

Крылов Александр Константинович –
профессор Санкт-Петербургской Академии художеств,
член-корреспондент Российской академии художеств

Граффити на фресках Дионисия

Летописи Ферапонтова-Белозерского монастыря отразили важные исторические вехи: труды последователей великого Сергия и утверждение православного Царства; «бунташный век» церковного раскола, казацкие восстания и монастырские реформы императрицы Екатерины; большевицкий погром, грабеж и превращение святыни в «памятник истории и культуры»; усилия подвижников-ученых и создание музея фресок Дионисия.

Тем дороже для нас каждая полустертая черта былого; здесь тайны веков и событий, судеб ферапонтовских насельников.

Таковы граффити, выцарапанные в разное время на поверхности знаменитых фресок соборной церкви монастыря.

Уже неотделимые от дивной живописи Дионисия, они подобно летописям, по-своему расскажут о былом.

Надписи-граффити видны на храмовых стенах Киева, Новгорода, Ладоги, Полоцка, Пскова.¹

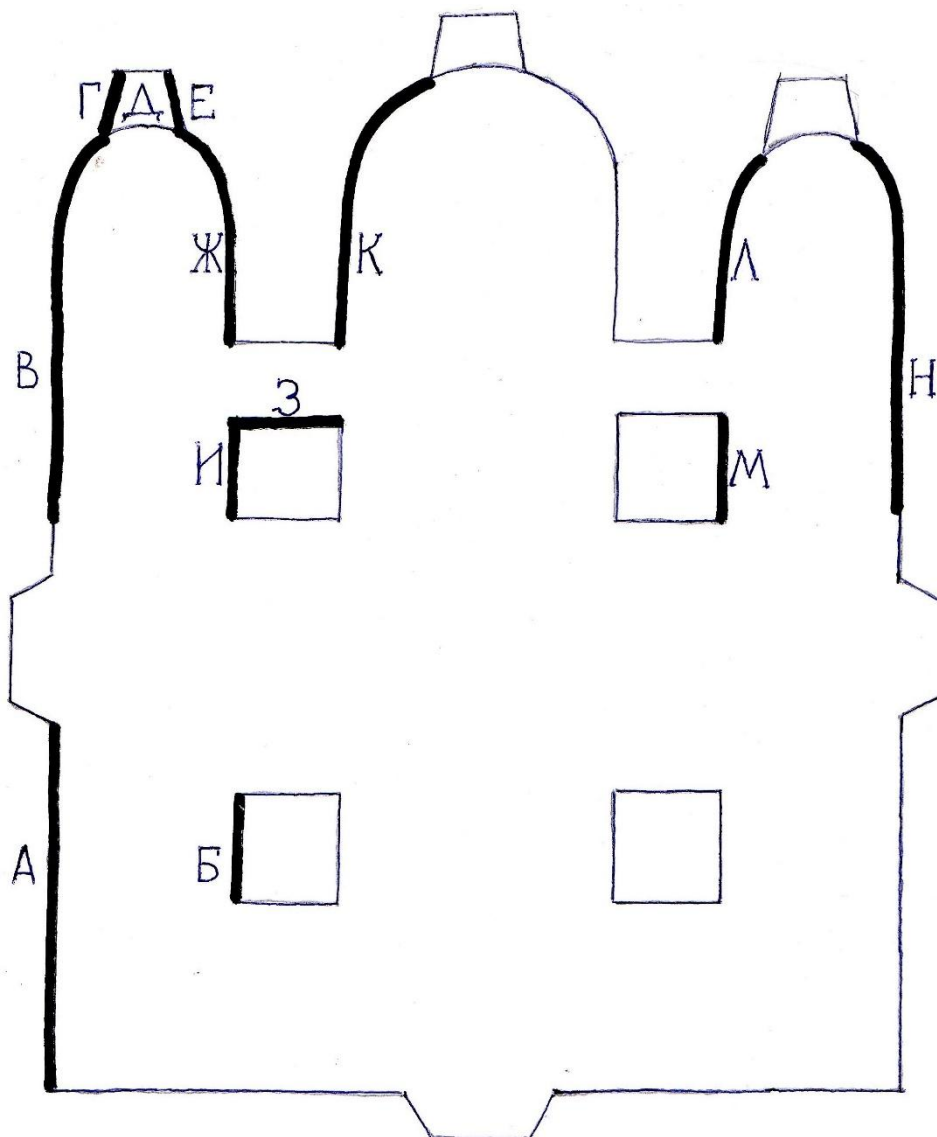
В 1990-ые мною опубликованы граффити, начертанные приспешниками самозванцев в домово́й церкви усадьбы Бориса Годунова в Вязёмах близ Москвы.²

Юный Пушкин, часто посещавший вязёмский храм, с любопытством рассматривал эти «сабельные» рубцы, оставившие в душе его незабываемые впечатления, с годами проявившие себя в темах, сюжетах, в образах исторических и литературных произведений.³

Подобно вязёмским, ферапонтовские граффити выцарапаны на фресковой штукатурке вровень с ростом человека на горизонтальных обрамлениях композиций, на позёмах, подзорах-полотенцах.

Большая часть сохранившихся в алтарных апсидах исполнена церковнослужителями; граффити видны и на северо-западном столбе (северная грань), и на западном простенке северной стены (см. таблицу-план интерьера, где буквами указаны секторы их расположения).

Одни граффити – поминовения о здравии или упокоении, иные – личные автографы, молитвенные обращения, памятные записи. Есть курьезы.



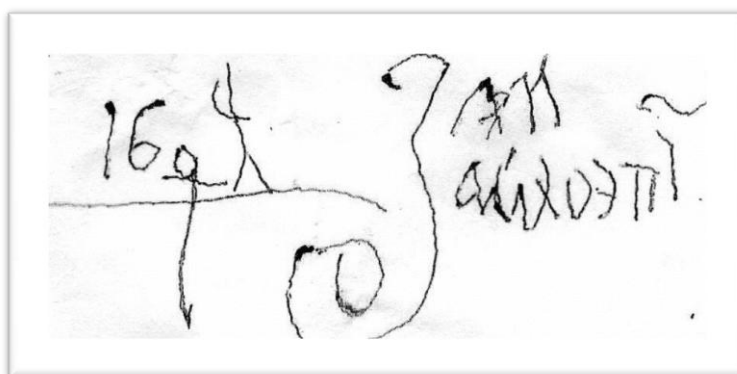
План соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы Ферапонтова монастыря с обозначением секторов расположения граффити на фресковой штукатурке.

Обозначенные датами 1738, 1773, 1807, 1808, 1811, 1812, 1819, 1821, 1823, 1824, 1826, 1889, 1941, надписи напоминают о минувших временах «слова и дела Государя», о деяниях Екатерины Великой и Александра I Благословенного; об изгнании Наполеона и славе Кутузова; о декабристах, о небывалом взлете русской державной мощи в

царствование Александра III Миротворца, освободителя славян, о Великой Отечественной войне...

Из ранних граффити уцелели остатки. В южной алтарной апсиде обнаружен полустертый автограф, датированный 16(14?).

Сектор М, на рефтяном фоне каймы полотенец. Последние две цифры едва различимы.



Автограф можно отнести к Смутному времени, что не противоречит историческим обстоятельствам.

В декабре 1614 Ферапонтов монастырь был ограблен и осквернен казаками и «черкасами», предводительствуемыми атаманами Булатовым и Колынским.⁴

Как известно, после провала шестнадцатимесячной осады Сергиевой Лавры (1608-1610) озлобленные шайки воровских казаков долго разбойничали на просторах Царства. Много лет с ними шла изнурительная война.

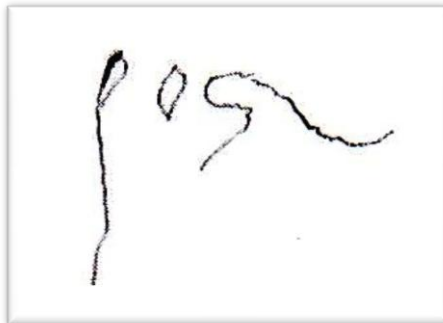
Наравне с латинствующими ляхами и литвой, разбойное казачество грабило и душегубствовало. В одной из боярских грамот о них говорилось: *«Теперь князь Дмитрий Трубецкой да Иван Заруцкий стоят под Москвой на христианское кровопролитие и всем городам на конечное разоренье: ездят от них из табора по городам непрестанно казаки, грабят, разбивают... церкви разоряют, иконы святые обдирают и многие скарედные дела на иконах делают, чего ум наш страшится написать... а когда Ивашка Заруцкий с товарищами Девичий монастырь взяли, то они церковь Божию разорили... и как пошли из монастыря, то церковь и монастырь выжгли: это ли христианство?»*

В 1614 году особым указом Царь запретил эти шайки налетчиков называть казаками, чтобы «прямым казакам, которые служат, бесчестья не было».⁵

Обитель Ферапонтовская не была ограждена крепкими стенами. И прослышав о зверствах воровских казаков в Вологде, Устюге, Устюжне малочисленная братия в тревожном ожидании беды, хороня святыни, держала наготове всё необходимое для ухода в леса.

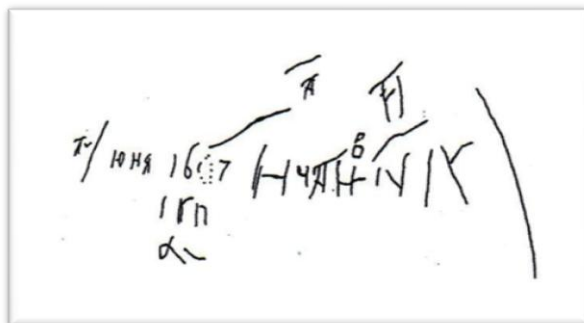
Посланный в обитель после набега служка Кириллова монастыря Григорий Мороз сообщал архимандриту и воеводе: *«Был-де он в Ферапонтове монастыре, и на чудотворцевой-де раки был бархат чорн, и тот-де бархат казаки взяли, и в церквях-де ходили, и Божию-де престолы обругали по церквям, и ворота-де и по кельям все прижжены, и в кельях и в сенях лошади стояли, и хрестьян-де многих и жонок и девок мучили и огнём жгли, и жжонных хрестьян многих видел и мертвых»*.⁶

Тем дням, возможно, принадлежит остаток другой надписи на южном простенке жертвенника (Сектор Ж).



Процарапанная на стёртом до грунта рефтяном фоне каймы полотенец, надпись впоследствии была почти целиком выскоблена. Особенности начертания обеих ферапонтовских надписей близки казачьим граффити в Вязёмах.⁷

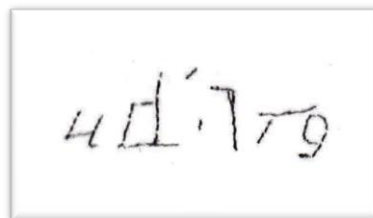
Для сравнения воспроизвожу два вязёмских автографа:





Заходя в храм и даже в алтарь с оружием, оставляя на священных стенах свои каракули, поругая сан священнический и иноческий, разбойные казаки не испытывали сердечных угрызений.⁸ Большею частью православные по вероисповеданию, польские наймиты-казаки жили грабительскими набегами, олицетворяя собою в глазах московских единоверцев вероломство, смуту, предательство.

Из надписей 1614 года, впоследствии выскобленных, уцелел еще один фрагмент.



(Сектор А на коричневой разгранке)

Вскоре после лихолетья монастырский храм был исправлен, вычищен и освящён для богослужений. Следы монашеского выскабливания казачьих надписей различимы и сегодня.

А «сабельные» рубцы в Вязёмах счищать было некому. Село было сожжено, многие убиты, а в поруганном храме с 1605 года не совершалось богослужений.

Троицкая государева церковь у Старой Смоленской дороги долго была заброшенной, и лишь к концу столетия, по воле Царя Петра, приобрела владельца, сумевшего не только восстановить дивный храм, но также оценить и сохранить «сабельные» надписи как назидание потомкам.⁹

Прошло полвека, и обитель стала местом заточения знаменитого патриарха Никона¹⁰, о котором архидиакон Павел Алеппский, посетивший Россию в составе посольства Антиохийского патриарха, свидетельствовал: *«Как нам случалось видать, государственные вельможи вообще не чувствуют особенного страха перед Царём и не боятся его, а наверно патриарха больше боятся. Предшественники патриарха Никона никогда не занимались государственными делами, но этот патриарх, благодаря своему проницательному острому уму и знаниям, искусен во всех отраслях дел духовных, государственных и мирских... Любовь Царя и Царицы к нему неописуема»*.¹¹



**Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович.
Изображение в Сийском иконописном подлиннике XVII века**

Интриги завистников, озлобленных могуществом и строгостью любимого народом святителя, ненависть аристократии к выходцу из «черни» привели его к опале и заточению в Ферапонтов-Белозерский монастырь в декабре 1666.

Среди ферапонтовских граффити некоторые, как мне представляется, связаны с судьбой опального владыки.

Внешне суровый Никон «как видно, умел привязывать к себе сердца людей». Будучи патриархом, в своих монастырях он устроил житие образцовое и благочинное. Всех странников и богомольцев приказывал поить и кормить по три дня даром, в монахи принимал безвкладно, всем давая платья за счёт обители. В праздники всегда трапезовал с братией и сам лично омывал ноги всем богомольцам и заезжим путникам.¹²

Неудивительно, что после соборного осуждения несколько священников никоновского рукоположения добровольно последовали за ним в изгнание.

*«... с Москвы поехали два попа чёрных Памво да Паладей, да два дьякона чёрных, Исаия да Маркел да простой старец Флавиан, да два человека белцов: Клинского уезду села Завидова дьячѣк Тараска Матвеев, да Ярославского уезду села Вяцкого Ипатко Михайлов...».*¹³

Позже имя служки Михайлова вновь упоминается в связи со следствием по делу Никона в списке оговорѣнных лиц, сосланных «на сбережение» в узилище Кирилловского монастыря, куда впоследствии был заключѣн и сам бывший «собинный» друг Царя.¹⁴

В жертвеннике на северной грани столба (Сектор И, на коричневой разгранке) выцарапано имя – поминовение некоего Михайлова.



Мы вправе предположить, что это, не записанное в синодик, не официальное задравное поминовение претерпевающего узы и скорби, преданного святейшему служки Ипатия Михайлова исходило от самого патриарха-монаха.

Ко времени ферапонтовского заточения Никона можно отнести ещё несколько надписей.

На северном простенке южной алтарной апсиды (Сектор Л, на коричнево-охряной разгранке) прочитывается надпись - дата 1669.



Для Московского Царства этот год имел последствия роковые, и современники его особенно выделяли.

Собор 1666-1667 годов, отрешивший Никона от патриаршества, соборной клятвой на защитников старых книг и обрядов оформил раскол в Русской Церкви между «старообрядчеством» и «никонианством».¹⁵

В сомнениях, сумятице народ волновался, начались «лета сатанинские» раскола. И как на предтечу антихриста раскольники указали на Никона, предрекая в 1669 начало Страшного Суда.¹⁶

Молва о наступлении последних времён, о близком конце света, о патриаршей «измене» будоражила страну.

С осени 1668 крестьяне оставляли поля, не пахали, не сеяли, а по наступлении рокового года бросали жилища и уходили за Волгу, на Север, в Сибирь, на Дон и Кубань.¹⁷

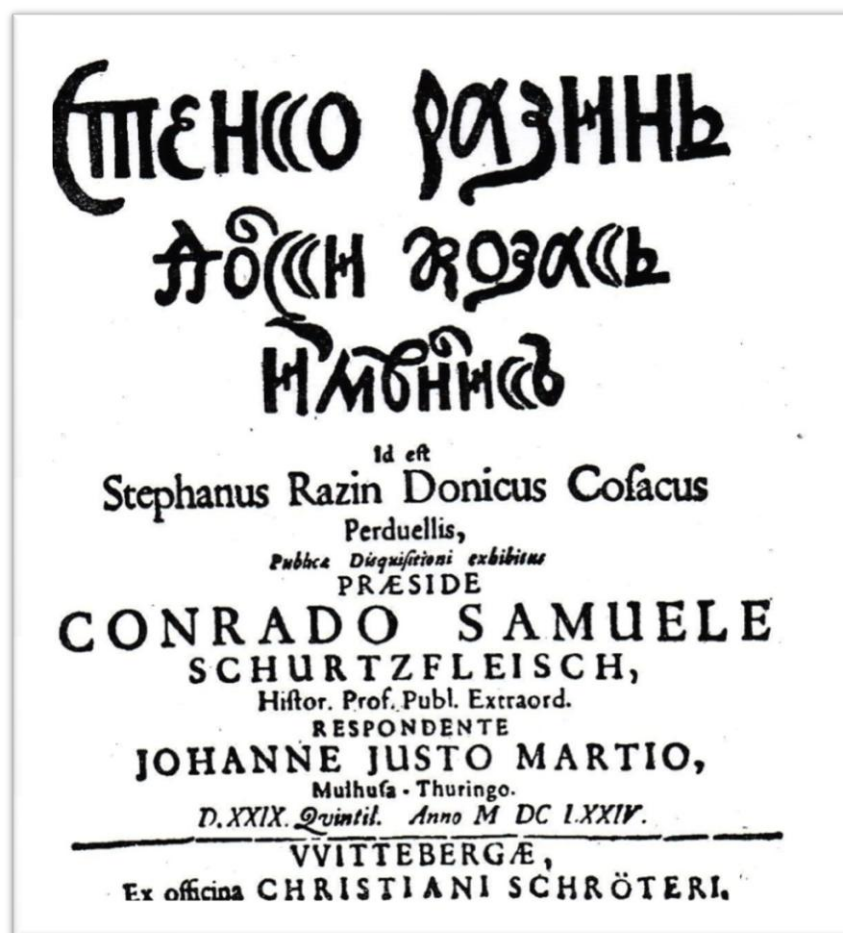
Уж второй год длилось восстание соловецких насельников, отказавшихся признать постановление собора 1666-1667 годов.

«Не хотим знать треперстного сложения, имени Иисуса и трегубого аллилуия, хотим оставаться в старой вере и умирать за нее». Соловецкие старцы прогнали присланного из Москвы архимандрита, утопили в море «исправленные» книги, отказались поминать на богослужениях царское имя.

В 1669 году сопротивление никоновским реформам переросло в многолетнюю войну с Царем (1667-1676).¹⁸

О составе обороняющихся современник писал: *«А в Соловецком-де монастыре воров, бельцов, разных чинов людей московских, беглых стрельцов и донских казаков и беглых боярских людей и крестьян человек с четыреста и больше да чернцов человек с триста».*¹⁹

Протест старообрядчества, соловецкое «сидение», после которого начались массовые самосожжения – «гари», нашли отклик и в кровавой разинской смуте, обеспокоившей Западную Европу.



Титульный лист диссертации о С. Разине, изданной в Германии в 1674 г.

После принятия Малороссии в подданство Царю, чего добивался Никон, началась новая русско-польская война (1654-1667).

Потеряв Смоленск и Киев, ущемлённая Речь Посполита проискалами иезуитов, в который раз пыталась сравнить московитов с малороссами, вновь используя для этого буйные казачьи головушки.



С.Т. Разин. Гравюра из «Приложения к «Гамбургской газете» за 1671 г.

В политической интриге против Царства опала Никона была сильным козырем. Не случайно в 1666 году атаман Василий Ус учинил самовольный поход-разведку донских казаков к Москве «за государевым жалованьем».²⁰

А взбунтовавшийся в 1667 против Москвы малороссийский гетман Брюховецкий назвал свержение святейшего отца-патриарха «самым гнусным делом москалей».²¹

В 1669 Разин разгромил военный флот Ирана,²² и, став предводителем Войска Донского, двинулся к Царицыну, уже нащупывая пути на Москву.²³

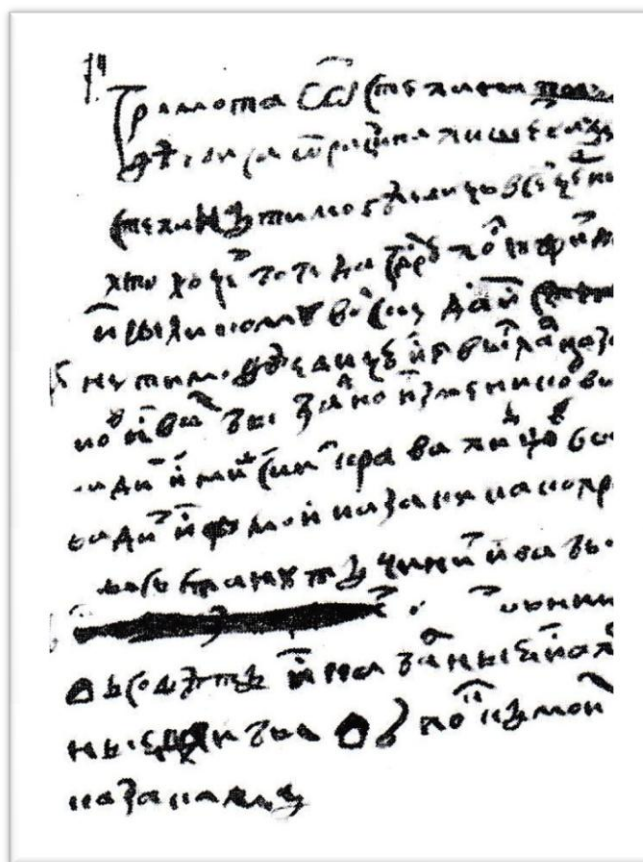
В апреле 1670 на войсковом Кругу С.Т. Разин объявил о походе «с Дона на Волгу, а с Волги в Русь против государевых неприятелей... изменников бояр, думных людей, воевод», чтобы их «... из Московского государства вывести и чёрным людям дать свободу».²⁴

Плывя вверх по Волге, разинцы говорили, что с ними Царевич Алексей Алексеевич и патриарх Никон, пострадавший от бояр.

Рассказывали, что во главе флотилии плыли два струга; на одном, обитом красным бархатом, плыл Царевич, а на обитом чёрным бархатом – Никон.²⁵

По всей России разинцы рассылали «прелестные письма».²⁶

Они пробирались к Уралу, Тотьме, Вятке, Великому Устюгу, собирая новых повстанцев, проникали на Украину, вызывая новые и новые бунты.²⁷



«Прелестное письмо» С.Т. Разина

В одной из грамот С.Т. Разин писал:

«Пишет вам Степан Тимофеевич, всей черни. Хто хочет Богу да государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичу, и я выслал казаков, и вам бы заодно изменников выводить и мирских кравапивцов выводить... и кабальные и апальные шли бы в полк к моим казакам».²⁸

Когда в конце 1667 Никону дозволили принимать приходивших к нему богомольцев и целить болящих, этим воспользовались казаки. Готовившие смуту, всюду проникая, они пытались втянуть святейшего в свой круг.²⁹

Архимандрит Иосиф, соглядатай, желавший выбраться из северной глуши, донёс в Приказ тайных дел о том, что с весны 1668 у опального бывали донские казаки в монашеском платье и уговаривали: *«Если захочешь, мы тебя по-прежнему на патриаршество посадим»*.³⁰

Прямой и смелый, Никон и не скрывал, что к нему приходили казаки: *«...сказались, будто они идут Богу молиться в Соловецкий монастырь, а они не богомольцы, не в Соловецкий шли, приходили они для меня, собравшись нарочно, звали меня с собою, пришло их двести человек. Степана Наумова (пристава охраны Никона – А.К.) хотели убить до смерти, Кириллов монастырь раззорить и с казною его, запасами и пушками хотели идти на Волгу... Но я на ту их воровскую прелесть не подался, во всём им отказал..., и они пропали неведомо куда»*.³¹

Несмотря на недоверие Царя к никоновским злопыхателям, надзор за опальным был усилен.

В Москве знали, как разинцы ещё в 1667 без боя, хитростью овладели Яицким городком, проникнув в него под видом богомольцев. Переодетые казаки могли захватить Никона обманом и силой.³²

Сам узник жаловался, что в Ферапонтове ему жить страшно, ибо монастырь не огорожен.³³

Об этих событиях напоминает надпись – дата 1669.

Возможна и другая версия её появления.

3 марта 1669 умерла Царица Мария Ильинична.

Вновь утеснённый Никон, подозреваемый в государственной измене, не принял заупокойной царской милостыни в 500 рублей, велел сказать Царю, что и без денег должен Царицу поминать: *«... по государыне Царице во всю čtyредесятницу псалтырь и канон пел и поминаю до днесь не забытно»*.³⁴

Быть может, надпись-дата 1669 – прикровенное поминовение усопшей Царицы, начертанное по благословению святейшего молитвенника?

А прикровенное потому, что святитель – прозорливец ведал тайну роковых чисел, предрекая: *«После смерти Царицы будет другая беда, не меньше, а после этой ещё хуже будет: мне это объявлено от Господа Бога»*.³⁵

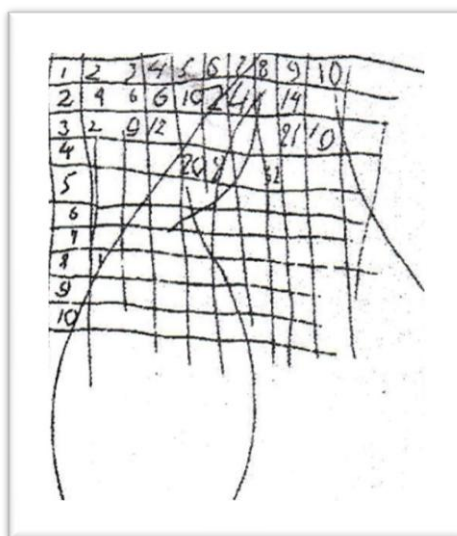
Предречённое сбылось. К лету умер восприемник Никона во святом Крещении Царевич Симеон Алексеевич, затем другой восприемник, узаконенный наследник Царевич Алексей Алексеевич.

А вскоре разразился потрясший державу страшный казачий бунт.³⁶

Отметим, что дата 1669 написана не церковно-славянским буквенным написанием, а арабскими цифрами, на западный манер.

В западной Руси и Малороссии того времени использование арабских цифр уже было привычным.

На это указывают выцарапанные при самозванцах на стенах Вязёмской церкви даты и счетной табло для картёжной игры.³⁷



Игровое или счетное табло.
Граффити начала XVII века на стене церкви св. Троицы в Вязёмах

Влияние малороссов началось в 1649-1650 годах, когда по царскому призыву в Москве появились южно-русские начётчики, монахи Арсений Сатановский, Епифаний Славинецкий, Дамаскин Птицкий.

Взявшись за «исправление» текстов богослужебных книг, они руководствовались печатными изданиями, греческими и южно-русскими, не ограничивая себя в использовании арабской цифири.³⁸

Следуя начинанию Царя, собор 1654 года, созванный патриархом Никоном, принял соборное решение об исправлении книг грамотными справщиками.³⁹

С 1655 старцы Никонова Воскресенского Новоиерусалимского монастыря стали переводить на русский язык польские хроники и другие книги.

Так западная цифирь укоренялась в нашем книжном обиходе, а после вхождения Украины в Московское царство влияние эрудированных малороссов усилилось.⁴⁰

С 1660-ых в Москву, по благословению Никона, приглашали преподавателей, выпускников малороссийских «братских школ», созданных православными братствами для противодействия католикам, иезуитам и униатам.

В 1665, под руководством учёного монаха Арсения Грека, в Москве основана греко-латинская школа. Здесь обучали грамматике, латинскому языку, знакомили с цифирью.

Заупокойно-поминальный смысл надписи – даты 1669 подтверждается нахождением её в южной апсиде, где, в соответствии с литургической традицией, совершаются молитвенные поминания, панихиды.

Разъясняя назначение алтарных помещений, Макарьевско-Грозненский Стоглавый собор 1551 года в главах 12,13 прямо называет южную апсиду «кутейником», где совершаются частные панихиды по умершим.⁴¹

Приделы с алтарями для заказных заупокойных литургий в южных апсидах устраивали издревле.⁴²

В соборной церкви Ферапонтова монастыря здесь был придел Николы-Чудотворца, устроенный, как предполагал И.И. Бриллиантов не позже XVII века.⁴³

Но сюжетная программа росписи кутейника, целиком посвящённая Николечудотворцу, милостивому, деятельному скорому помощнику и заступнику, указывает на первоначальное бытование здесь Никольского придела.

Никольские приделы в кутейниках не редкость. В Волоколамской Рождественской церкви «На Возмище» (XVI век) здесь тоже Никольский придел. Он же в кутейнике

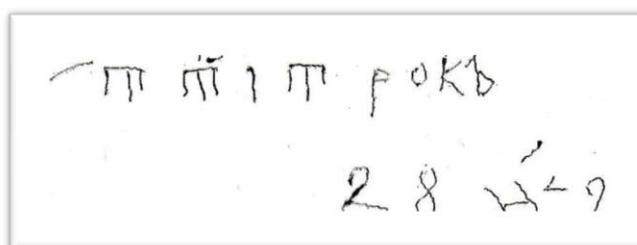
годуновского храма в Вязёмах, а иконографический состав расположенных здесь изображений, как убедительно показала Н.В. Квливидзе, связан с совершением поминальных служб.⁴⁴

Представленные мною версии о смысле таинственной надписи-даты невозможно решительно опровергнуть, ни безоговорочно доказать: свидетелей-современников нет.

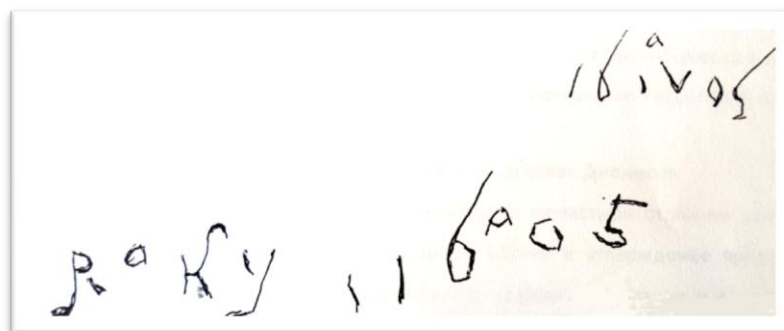
Но нет сомнения в том, что любые гуманитарные исследования всегда и неизбежно плод убеждений – предупреждений века нынешнего. Грядущий даст новые плоды, а затем все повторится вновь.

Но как желанна для нас хотя бы попытка сквозь сумрак былого прозреть живые лица тех легендарных веков...

Начертанная тонкой иглой рукою казака или малоросса любопытная надпись на северной грани столба жертвенника (Сектор И на коричневой разгранке) могла бы иметь отношение к драме 1614 года.



И действительно, подобные надписи Смутного времени есть в вязёмском храме. Для сравнения привожу одну из них:



**Автограф Смутного времени из домово́й церкви Св.Троицы
усадьбы Б.Ф. Годунова в селе Вязёмы близ Москвы**

Надеясь исследованием моим заинтересовать учёных-графологов, способных дать более основательные определения и выводы, всё же попробую надпись на фреске Дионисия отнести к Никоновскому времени.

В ней обращает на себя внимание тройное повторение буквы Т.

Что это: тайнопись-криптография?

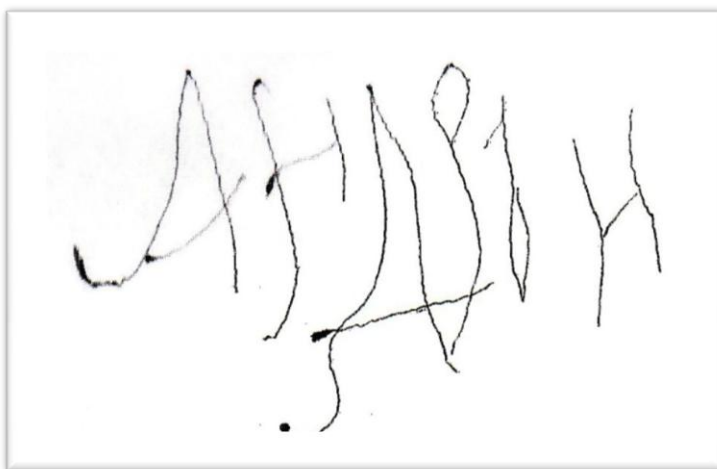
Или, как предполагал И.И. Бриллиантов, описывая такие повторы в надписях на древних придорожных крестах, это начальные буквы молитвенного изречения, обращенного к Святой Троице?⁴⁵

Но здесь не придорожный крест, а стена святого храмового жертвенника.

Нацарапанная осторожно, укромно, справа от диаконской двери за иконостасом в углу, надпись была совсем не заметна.

К кому обращён этот почти тайный знак? Не разинский ли казак, ряженный монахом-богомольцем, вошедший в доверие к братии и прислуживающий (до поры) в алтаре, оставил нам послание-загадку?

О судьбе одного из современников опального патриарха расскажет заздравное поминовение, начертанное в жертвеннике. (Сектор В, на рефтяном фоне каймы полотенец).



В 1676, с кончиной Алексея Михайловича, раздражённый царским покровительством Никону, патриарх Иоаким начал расправу с его сторонниками.

Первым пострадал царский духовник протопоп Андрей Савинов, передававший Царю никоновские послания.

Иоаким обвинял его в насаждении вражды между собою и Царем. Созванный им собор в марте 1676 осудил протопопа к лишению сана и ссылке в дальний Кожеезерский монастырь.⁴⁶

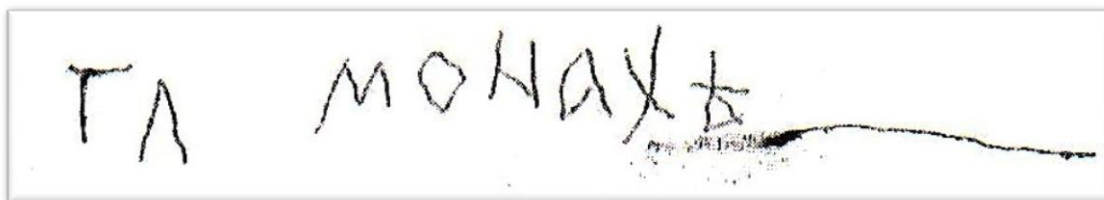
Прикровенное поминовение о здравии пострадавшего протопопа Андрея на стене храма, рядом со святым жертвенником, а не в официальном монастырском синодике, могло быть оставлено по благословению участливого монаха-святейшего.

Вскоре и сам Никон был переведён из обжитого Ферапонтова в тесное узилище Кириллова монастыря.

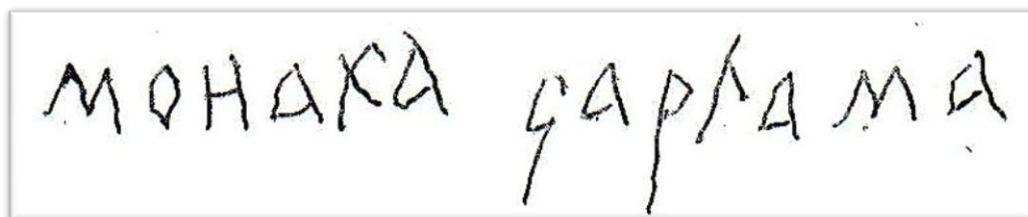


***Больничная церковь св. Евфимия и старый каменный корпус,
на месте которого стояли кельи Никона в Кирилловом монастыре***

На северном простенке жертвенника сохранилось поминовение-молитва о некоем монахе (Сектор Ж, на коричневой разгранке).



Здесь же поминовение монаха Варлаама (Сектор Ж, на коричневой разгранке)



Есть несколько гипотез, связанных с этой надписью.

Имя Варлаам носили четыре игумена:

Игумен Варлаам I (1644-1651);

Игумен Варлаам II (1655-1658);

Игумен Варлаам III (1686-1687);

Игумен Варлаам IV (1741-1750).⁴⁷

При Варлааме I в 1646 в церкви преп. Мартиниана освящена резная и расписанная рака духовного родоначальника обители, преемника преп. Ферапонта *«при державе государя Царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, и при Варлааме митрополите Ростовском и Ярославском, и при игумене Варлааме Ферапонтова монастыря»*.⁴⁸

А Варлаам IV попал в беду в те годы, когда политические доносы были в большом распространении. В 1742 году он отслужил четыре панихиды по преставившимся высочайшим особам, но не в те дни, что были указаны в печатном реестре. Вследствие доноса возникло дело, кончившееся ссылкой игумена в Спасокаменный монастырь; он содержался «неисходно» из монастыря, а в марте 1750 был взят в Тайную Канцелярию.⁴⁹

Не по этому ли поводу оставлена запись – заздравное поминовение в жертвеннике соборной церкви?

Обычными занятиями молодых иноков были переписывание книг и обучение грамоте, на что указывает ученический опус – граффити (Сектор В, на охряно-коричневой разгранке).



Искусных в книжном писании называли «доброписцами». Известен старец Варлаам доброписец, о кончине которого в 1514 году упоминается: *«В лето 7002 месяца июня в 4 день на память иже во святых отца нашего Андрея Критского преставися старец Варлаам доброписец в Ферапонтове монастыре»*.⁵⁰

Книги, искусно им переписанные, без сомнения, долго хранились в обители и были в постоянном служебном обиходе.

Имя доброписца поминалось. Если надпись поминает его, то начертана она при жизни Варлаама, ранее 1514, как заздравное поминовение, быть может, в связи с болезнью.

В окружении Никона имя Варлаам упоминается неоднократно.

По приезде в Ферапонтов монастырь в конце 1666 у святителя были изъяты архиерейская мантия и посох, в тот же день отправленные в Москву с монахом Ферапонтова монастыря Варлаамом и служкою Ивашком Кривокубовым.⁵¹

Подозрения в связях с разинцами, следствие, тяготы узилища сломили характер и здоровье. В марте 1672 Никон написал Царю: *«А ныне я богомолец ваш... смирихся до конца, а за грехи мои рука левая больна стала и действовать нисколько не может,*

*пристроить пити и ясти и принести некому... со мною остался один чёрной поп Варлаам а тот поп слеп (я же около его ходил), и по се число я богомолец на себя и на попа хлеба пёк и варил сам... Сотвори Господа ради, великий государь, со мною милость, служащим единому или двум послужити нужным нашим потребам, кто б принёс пити и ясти... да и церковных людей, с кем бы церковный обиход исправить, а я ныне один не могу исправлять. Господа ради милостив буди».*⁵²

Никон жаловался, что «чёрной поп Варлаам ослеп и говорить по книгам не видит».⁵³ ослепшему старику, разделявшему с ним скорби и тяготы заточения, святитель был благодарен, молился о его здравии. Заздравное поминовение монаха Варлаама может быть начертано по просьбе Никона?

В последние годы около святителя-узника появился близкий человек, иеромонах Никонова Воскресенского монастыря Варлаам, ставший духовником патриарха вместо Кирилловского архимандрита Никиты, переставшего посещать узника.⁵⁴

Иеромонах Варлаам вместе с иеродиаконем Мардарием были келейными старцами Никона. С ними его разлучили в июне 1676, сразу после смерти Алексея Михайловича, когда вновь начались наветы и обвинения, и Патриарх был заключён в тюрьму Кириллова монастыря.⁵⁵

Варлаам и Мардарий были отправлены в Крестный монастырь «под крепкое начало», но ранее, согласно указу, их «с великим пристрастием» допрашивали, не спрятали ли у Никона каких-либо писем в земле, не отсылал ли он кому-либо писем.⁵⁶

Может быть, именно тогда прикровенное поминовение патриаршего духовника Варлаама было оставлено по просьбе Никона?

Варлаама и Мардария освободил Царь Феодор Алексеевич в 1680, позволив вернуться в Воскресенский монастырь,⁵⁷ а освобождению Никона противился патриарх Иоаким, знавший о намерении молодого Царя учинить в России папу и четырёх патриархов; папою сделать Никона, а Иоакима оставить патриархом Новгородским.⁵⁸

Святейшего освободили лишь перед кончиной, и последнее письмо он написал в свою Воскресенскую обитель на Истре: «Благословение Никона патриарха архимандриту Герману, иеромонаху Варлааму... и всей братии... пожалуйста, чада моя,

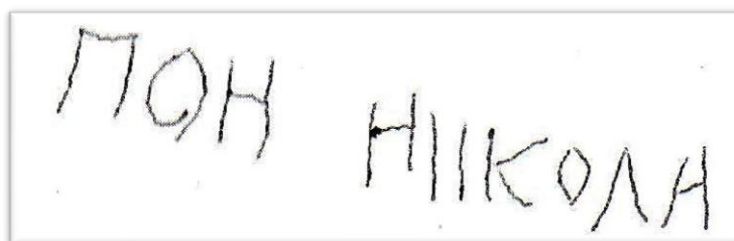
*не попомните моей грубости, побейте челом о мне ещё Великому государю... Уже бо моего жития конец приходит».*⁵⁹

В августе 1681 особорованного, принявшего великую схиму патриарха повезли на струге из Кириллова в Воскресенский монастырь. У Волги встречал его бывший келейник и духовник Варлаам, ставший очевидцем кончины замечательнейшего из Русских патриархов, навеки запечатлевшего в летописях Ферапонтова своё святое имя.⁶⁰

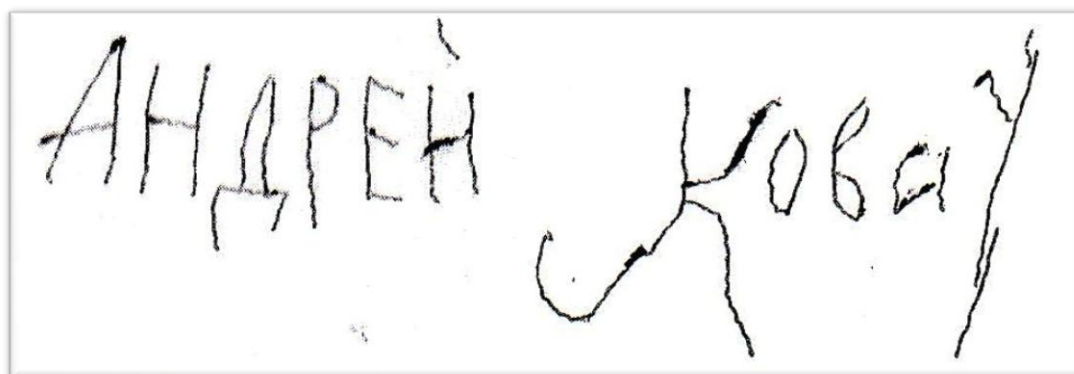
Высказанные гипотезы дают повод размышлениям, а воображение рисует образы былого.

На стенах храма немало надписей, отразивших обыденные черты монашеского обихода. Время их начертания мог бы установить опытный знаток-графолог.

Простодушно и решительно увековечил своё имя Никола пономарь (Сектор В, на охряно-коричневой разгранке).

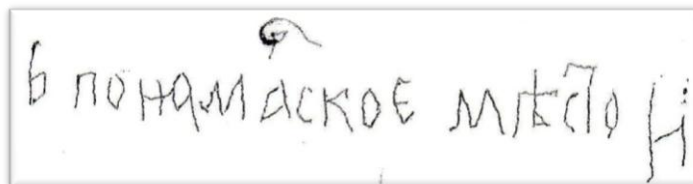
A photograph of a handwritten inscription in Cyrillic script. The text reads "ПОН НИКОЛА" (POM NIKOLA), which is a common way to refer to a church sexton (Ponomar). The handwriting is simple and somewhat rough, typical of a workingman's script.

Примеру Николы последовал чтец или алтарный служка Андрей Ковач.
(Сектор В, на охряно-коричневой разгранке).

A photograph of a handwritten inscription in Cyrillic script. The text reads "АНДРЕЙ КОВАЧ" (ANDREY KOVACH), which is a common way to refer to a church reader or altar server (Kovach). The handwriting is more stylized and fluid than the previous one, with a prominent flourish at the end of the last word.

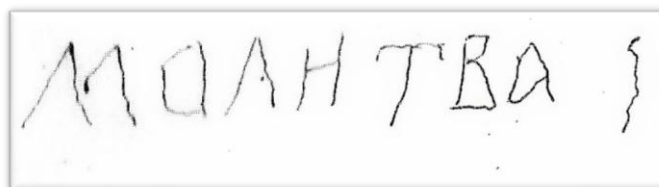
По соседству видим наставление старшего священнослужителя, обращенное к младшим: не путать своё место с чужим.

(Сектор В, на охряно-коричневой разгранке).



А неподалёку надпись, в которой многоопытный священник напоминает кому-то о серьёзности молитвы.

(Сектор З, на рефтяном фоне полотенец).



Курьёзное изречение «не Кирик», выцарапано, по-видимому, как итог длительного созерцания изображённых здесь Дионисием первомучеников Кирика и Улиты. Что побудило созерцателя увековечить такой вывод? Собственные ли опыты в иконописи, молодость?..

(Сектор И, на коричневой разгранке под изображениями Кирика и Улиты).



Выше, под фигурами Кирика и Улиты в мае 1821 года оставил автограф пономарь Василий. (Сектор И, на позёме).

м.а 1821 года Пономарь, Василей,

Здесь же расписался ещё один пономарь, и как кажется, по имени Клим.

(Сектор И, на позёме композиции с изображениями Кирика и Улиты).

ПОНОМАРЬ
КЛИМ

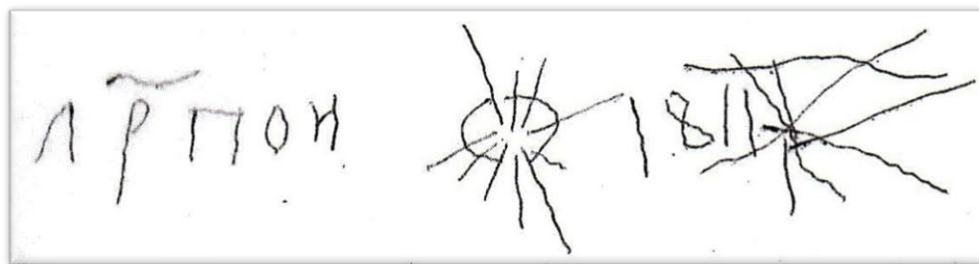
На том же участке стены священнослужитель Черемных указал своё привычное местонахождение во время литургии.

(Сектор И, на позёме композиции с изображениями Кирика и Улиты).

МѢ 1811 ЧЕРЕМНЫХ

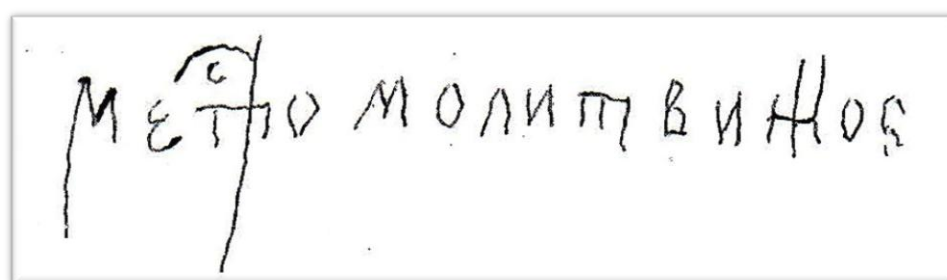
Вызывает улыбку датированное 1811 годом граффити с призывом петь и рисуночками солнечных лучей.

(Сектор И, на позёме композиции с изображениями Кирика и Улиты).



Старший священнослужитель здесь же, опрятным почерком, оставил мягкое напоминание царепальщикам о предназначении храмового алтаря.

(Сектор И, на позёме композиции с изображениями Кирика и Улиты).



Ознакомившись с надписями в этом месте храма, обратим внимание на множество датировок: 1807, 1808, 1811, 1812, 1819, 1821, 1824, 1889.

(Сектор И, на позёме композиции с изображениями Кирика и Улиты, на охряно-коричневой разгранке и рефтяном фоне полотенец).

Здесь же, в жертвеннике, на северном простенке оконного проёма сохранилось несколько именных поминовений. Поминали Матрону, Улиту, Исифару (?), священника Илью, священника Диана, схимонаха Агафона, а кто-то из священнослужителей покался в том, что «дерёт Исидора» (!).

Сектор Г, на голубовато-рефтяном фоне).

Том
ГЛАТИРОНЪ

ОУЛИТОУ

ИСКФ'РОУ /

СВЩ.
ЖИНО

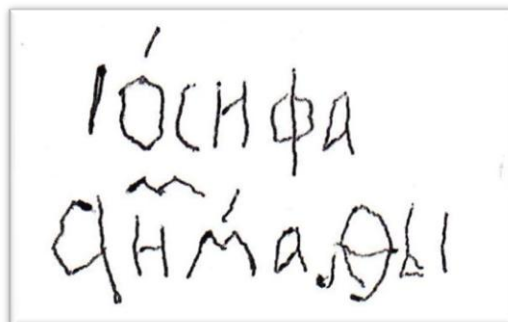
ДНАНА СВЩНЬ

ЮКА ХИ АГАФОНЪ

АЕРХСНДОРА

На противоположном, южном, простенке оконной ниши жертвенника надпись – поминавание св. Иосифа Аримафейского.

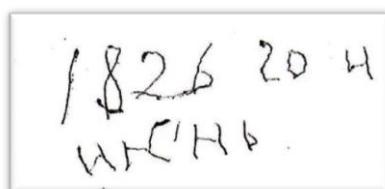
(Сектор Е, на голубом фоне)



Следует добавить, что в отличие от голубовато-рефтяного фона северного простенка оконной ниши, на южном сохранился положенный поверх рефти фоновый голубец Дионисия. Это можно объяснить тем, что в течение светового дня прямые лучи Солнца дольше освещали северный простенок, и голубой пигмент с годами выцвел.

На штукатурной обмазке подоконника вычерчена дата 20 июня 1826 года, чем-то памятная писавшему.

(Сектор Д, на оштукатуренной поверхности подоконника).



В секторе В, на позёме у ног преподобных расписался некий Андрей.

A photograph of a handwritten signature in Cyrillic script, which reads 'АНДРЕЙ' (Andrey). The signature is written in dark ink on a light-colored, slightly textured surface. The letters are somewhat stylized and connected, with a long horizontal stroke for the 'А' and a distinct 'Й' at the end.

С этим именем может быть связано следующее. Когда в 1798 Ферапонтов монастырь был упразднён, его храмы стали приходскими, а священнические места наследовались и по мужской, и по женской линии.

Например, после смерти местного священника Льва Лебедева в 1841 году у него остались сын и дочь на выданье.⁶¹

В соответствии с указом Императора, Новгородская Духовная консистория выдала резолюцию: «Входящим (опекуном) определить священника Арсения Разумовского с получением одной трети доходов, а прочее отдавать сиротам до определения настоящего священника. Не запрещается сиротам приискывать достойного на сие место, со взятием за себя дочери умершего священника Лебедева».

То есть, Екатерине Львовне Лебедевой разрешалось самой приискать жениха священнического сана.

Таковым стал Андрей Архипов Кемский.⁶²

В диаконнике (кутейнике) мы находим запись, поминающую Диана (сектор Н, на коричневой разгранке).

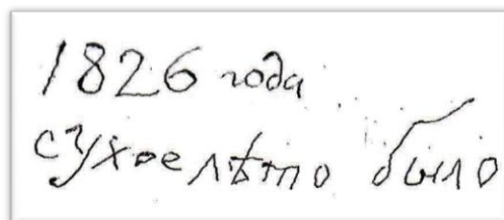


В жертвеннике (сектор Г), мы видели заздравное поминание священника Диана, вероятно, в то время болящего (см. выше).

Трудно усомниться в том, что это редкое имя принадлежало одному человеку, а поминанье в кутейнике начертано после его кончины.

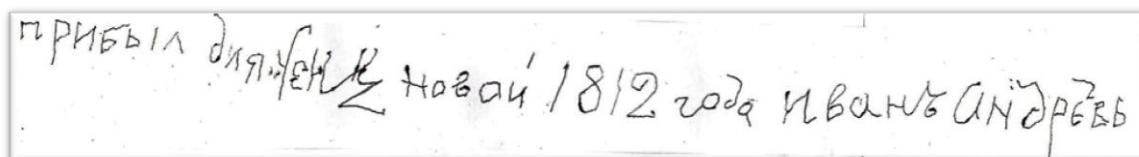
Здесь, в диаконнике, на северной грани столба оставлены записи летописные о засухе 1826 года.

(Сектор М, на позёме стенописной композиции).



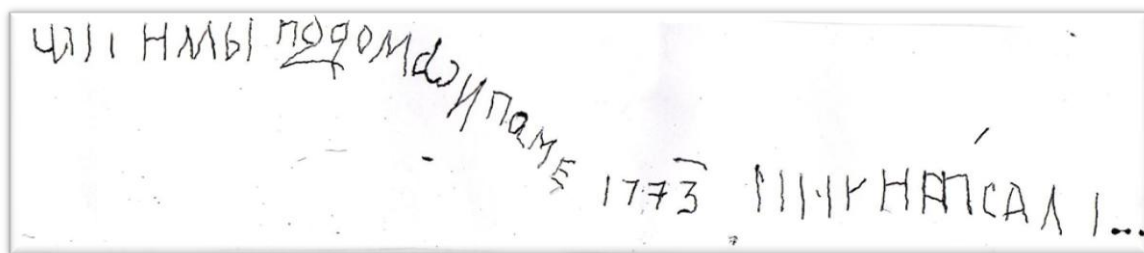
А ниже о прибытии нового дьячѣнка в 1812.

(Сектор М, на охряно-коричневой разгранке).



Ещё ниже, на верхней коричневой полосе декора полотенца, не полностью сохранившаяся памятная запись 1773 года.

(Сектор М, на верхней коричневой полосе декора полотенца. Конец надписи соскоблен).

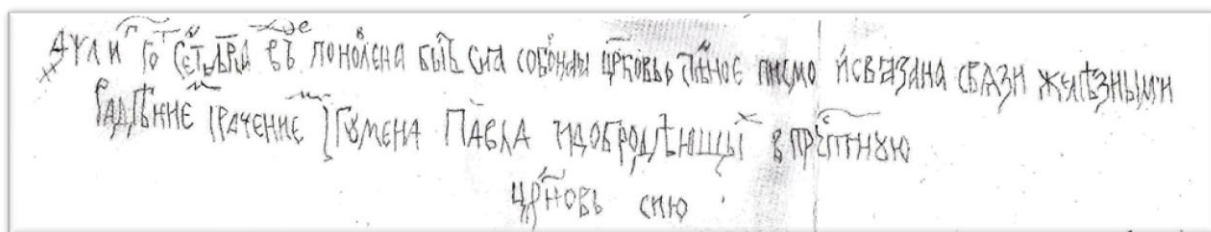


Внутри церкви на своде и откосах северной дверной ниши есть надпись о строительстве и росписи храм, исполненная в стенописной технике артелью Дионисия.

По ней определяют время создания ансамбля 1492-1503 годами.⁶³

Другая надпись, граффити, о поновлении храма и стенописи в 1738 году видна на северной стороне алтарной апсиды.

(Сектор К, на рефтяном фоне полотенца).



Эта надпись известна давно, текст неоднократно опубликован.⁶⁴

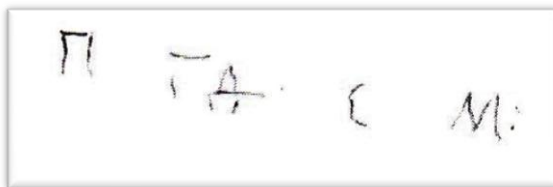
В числовом обозначении сентябрьского дня церковно-славянской буквицей следует видеть « **И** » - 8.

8 сентября, по старому стилю, Церковь празднует Рождество Пречистой Богородицы, значит работы по обновлению храма были завершены к престольному празднику.

Долгожданное событие так порадовало игумена Павла, что он решился его увековечить не только в приходно-расходных книгах и отчётах.

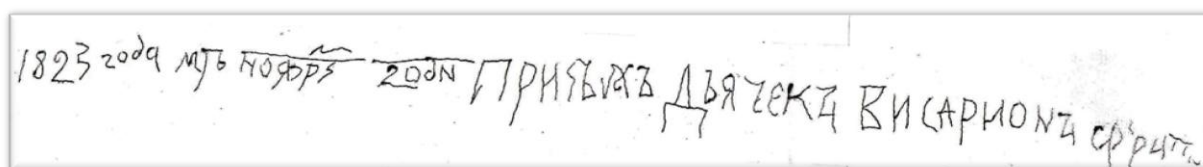
Ниже, на пурпурно-коричневой верхней полосе декора полотенец сохранились отдельные буквы пока не поддающиеся прочтению надписи.

(Сектор К, на пурпурно-коричневой верхней полосе декора полотенец).



А выше, на коричневой разгранке, памятная запись 20 ноября 1823 года о приёме дьячка Виссариона.

(Сектор К, на коричневой разгранке).



Трепетное мерцание живописной ткани Дионисия производило особенное впечатление. Уплотнение второстепенных деталей, световые вспышки-ассисты, проштриховки вместо теней исключали плотский натурализм изображённых фигур. И тогда как бы осязаемое становилось призрачным видением Мира Горнего.

Дивная гармония пластики, изысканное пропорционирование подчинялось главенству ликов. При этом динамичные силуэты крупных цветowych масс не доминировали, но концентрировались вокруг ликов, к ним направляя взгляд молящихся.

Светлоокие небожители, их властные взоры, пронизывая и наполняя храмовое пространство, свершали Божественную Литургию. Этот хор звучит уже пять столетий...

Таков искусный замысел Дионисия Премудрого, демиурга Высокого Русского стиля. Литургию стенописи продолжал роскошный иконостас начала XVI века.⁶⁵

В басманных окладах с серебряными цатами и венцами, осыпанными жемчугом и камением, выделялись большие богородичные иконы местного ряда: образ Рождества

Пречистой «в деянии», Одигитрия, Неопалимая Купина, О тебе радуется, - любимые образы нашего народа. Паникадило 1639 года, царский дар Михаила Феодоровича, украсило храм, возрождённый после лихолетья Смуты.⁶⁶

Гармонией зримого и слышимого величественная красота православия возносила чувства предстоящих к подножию Небесного Града.

О восторге молящихся иноков говорят многочисленные строки, _____ слёзные обращения к *«Царице Пресвятой и Владычице нашей Богородице и приснодеве Марии»*, начертанные на северной грани северо-западного столба (Сектор Б, на позёме в левом углу фресковой композиции).

Строк много, и буквы выцарапывались не быстро. Но вдохновение литургии охватило келаря и казначея, обязанных наблюдать за порядком со своих дубовых седалищ у входа, а быть может, они дремали, и молитвенное начертание иноки свершали без оглядки и помех?⁶⁷

Эти замечательные граффити – молитвы следует отнести ко времени, предшествовавшему 1798 году, когда, после упразднения монастыря, у основания западных столбов были устроены киоты для икон.⁶⁸

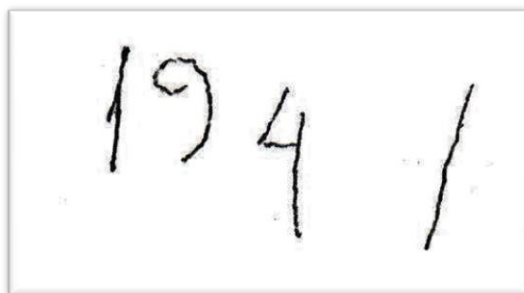
В годы большевизма Ферапонтову святыню превратили в совхоз, и последнее богослужение состоялось в 1928 году в церкви Благовещения.⁶⁹

Всё церковное искоренялось принципиально и беспощадно, в соответствии с положением строго засекреченного письма «доброго дедушки» Ленина от 19 марта 1922 года: *«Чем большее число представителей реакционного духовенства удастся нам расстрелять, тем лучше...»*.⁷⁰

23 февраля 1931 года был расстрелян Иван Иванович Бриллиантов, уроженец и знаток истории здешних святых мест, автор лучшей монографии о Ферапонтове-Белозерском монастыре.⁷¹

Прошло десять безбожных лет, и на стене Никольского придела-кутейника разграбленного и оскверненного соборного храма обители бывший прихожанин с молитвою вновь начертал роковые цифры, поминовение первого года новых страшных испытаний для Отечества.

(Сектор Н, на рефтяном фоне каймы полотенец; верхняя часть цифр приходится на жёлто-коричневую разгранку).



Эта надпись – молитвенное поминовение павших в роковом году защитников Отечества.

Митрополит Ленинградский Алексей Симанский писал в те дни: «... война – священное дело для тех, кто предпринимает её по необходимости, в защиту правды и Отечества. Берущие оружие в таком случае совершают подвиг правды и, приемля раны и страдания и полагая жизнь свою за однокровных своих, за Родину, идут вслед мучеников к нетленному и вечному венцу. Потому-то Церковь и благословляет эти подвиги и всё, что творит каждый русский человек для защиты своего Отечества...».⁷²

Благословенна каждая черта, запечатленная веками на бессмертной плоти наших святынь.



Больничная церковь св. Евфимия и старый каменный корпус, на месте которого стояли кельи Никона в Кирилловом монастыре. Фото Прокудина-Горского.

Примечания:

¹ – В публикациях есть упоминания о них, описания и воспроизведения.

См. **Сарабьянов В.Д.** Церковь святого Георгия в Старой Ладогe. Фрески. История. Архитектура. Блиц. СПб. 2016. с. 298;

Медынцева А.А. Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. XI-XIV века. Наука. М. 1978.

Сарабьянов В.Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и её фрески. Издание второе. Северный паломник. М. 2009. На цветных воспроизведениях фресок Полоцка кощунственные автографы бурсаков-иезуитов хорошо видны: с. 91, 93, 111, 148, 160, 161, 163, 164, 188, 199, 201, 202, 204, 206, 207, 210, 213, 214, 215, 217, 218.

² – **Крылов А.К.** Незванные гости в Вязёмах//Макарьевские чтения. Вехи русской истории в памятниках культуры. //Материалы V Российской научной конференции, посвященной

памяти святителя Макария. 11-13 июня 1997 года. Вып. V. Можайск-Терра. 1998. с. 340-350;

Крылов А.К., Тюнина Е.А. О новых исследованиях граффити Троицкой церкви в Вязёмах// Троицкие чтения, 1998. // Сборник научных исследований по материалам конференции. ГИЛМЗ А.С. Пушкина. Большие Вязёмы. 1999. с. 23-33;

Крылов А.К. Смутное время в событиях и лицах. // Искусство Христианского мира. // Сборник статей. Вып. 4. К 2000-летию Рождества Христова. ПСТБИ. М. 2000. с. 303-313;

Крылов А.К. Без Царя во главе. Автографы воровских казаков, приспешников самозванцев в церкви села Вязёмы. // Троицкие чтения. 2000. 400-летию первого освящения Вязёмского храма посвящаются //Сборник материалов научной конференции 19 мая 2000 г. ГИЛМЗ А.С. Пушкина. Большие Вязёмы. 2001. с. 38-53;

Крылов А.К. Посягнувшие на Царство (польские-малороссийские граффити времён самозванцев в годуновской церкви села Вязёмы. Находки 1999года). // Троицкие чтения. 2000. 400-летию первого освящения Вязёмского храма посвящаются //Сборник материалов научной конференции 19 мая 2000 г. ГИЛМЗ А.С. Пушкина. Большие Вязёмы. 2001. с. 18-37.

- ³ - Автографы сохраняли и показывали путешественникам и знатым особам, посещавшим храм в Вязёмах. Об этом есть сведения в дневниковых заметках митрополита Платона (Левшина).

См. **Крылов А.К.** Лики и лица смутного времени. АРТИНДЕКС. СПб. 2012, с. 48-49, 63-64.

- ⁴ - **Паршукова И.Н.** Из истории волостных церквей Белозерского-Ферапонтова монастыря. Ильинский Цыпинский приход. // Макарьевские чтения. Преподобный Сергей Радонежский и Московская Русь. Вып. XXII. Можайск. 2015. с. 115.

- ⁵ - **Соловьёв С.М.** Сочинения. История России с древнейших времён. Кн. IV, Мысль. М. 1989. с. 645;

Россия под скипетром Романовых. Очерки из русской истории за время с 1613 по 1913 года. СПб. 1912. с. 41.

- ⁶ - **Бриллиантов И.И.** Ферапонтов Белозерский ныне упразднённый монастырь, место заточения патриарха Никона. К 500-летию со времени его основания 1398-1898. Прогресс. Культура. М. 1994. с. 74,75.

- ⁷ - См. иллюстрации в: **Крылов А.К.** Без Царя во главе (Автографы воровских казаков, приспешников самозванцев в церкви села Вязёмы) // **Крылов А.К.** Лики и лица

смутного времени (исследования автографов-граффити времён самозванцев в Троицкой церкви села Большие Вязёмы). АРТИНДЕКС. СПб. 2012. с. 54,55.

- ⁸ - **Нечволодов А.** Сказания о Русской земле. Части III-IV, кн. II. с. 839.
- ⁹ - В 1694 г. Вязёмы были подарены Петром I своему воспитателю Борису Алексеевичу Голицину. См. **Доминяк Э.И.** Иконостасные образы церкви Преображения села Большие Вязёмы. // Троицкие чтения. 2000. К 400-летию первого освящения Вязёмского храма посвящаются. // Сборник материалов научной конференции 19 мая 2000 г. ГИЛМЗ А.С. Пушкина. Большие Вязёмы. 2001. с. 9.
- ¹⁰ - **Бриллиантов И.И.** Указ. соч. с. 140.
- ¹¹ - **Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским.** Вып. 3. М. 1898. с. 48, 159.
- ¹² - **Бриллиантов И.И.** Указ. соч. с. 136;
Митрополит Иоанн. Русская симфония. Очерки русской историософии. Царское дело. СПб, 2007, с. 221.
- ¹³ - **Бриллиантов И.И.** Указ. соч. с. 136.
- ¹⁴ - **Там же**, с. 223, 224.
- ¹⁵ - **Пресняков А.Е.** Царь Алексей Михайлович. Российские самодержцы. М. Книга. 1990. с. 128.
- ¹⁶ - **Бернадский В.Н.** Раскол и его классовые корни. // В Московской Руси XVII века. Государственное учебно-педагогическое издательство. М. 1931. с. 135.
- ¹⁷ - **Там же**, с. 135.
- ¹⁸ - **История СССР.** Соцэкгиз. М. 1939. Т. I. с. 522.
- ¹⁹ - **Там же**, с. 523.
- ²⁰ - **Степанов И.В.** Крестьянская война под предводительством С.Т. Разина (1670-1671 г.г.). Государственное издательство политической литературы. М. 1957, с. 20.
- ²¹ - **Костомаров Н.И.** Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. СПб, 1886. II, с. 303.
- ²² - **Степанов И.В.** Указ. соч., с. 33.
- ²³ - **Там же**, с. 37.
- ²⁴ - **Там же**, с. 38.
- ²⁵ - **Там же**, с. 45,46.
- ²⁶ - **Там же**, с. 68.
- ²⁷ - **Там же**, с. 69,71.

- ²⁸ - Там же, с. 73.
- ²⁹ - Бриллиантов И.И. Указ. соч. с. 161.
- ³⁰ - Там же, с. 160.
- ³¹ - Там же, с. 161.
- ³² - Там же, с. 162.
- ³³ - Там же, с. 162; Степанов И.В. Указ. соч., с. 31.
- ³⁴ - Бриллиантов И.И. Указ. соч. с. 164.
- ³⁵ - Там же, с. 164-165.
- ³⁶ - Там же, с. 165.
- ³⁷ - Крылов А.К. Автографы-граффити в Троицкой церкви села Вязёмы. // Троицкие чтения. 1997. Большие Вязёмы. 1998. с. 53;
Крылов А.К. Без Царя во главе (Автографы воровских казаков, приспешников самозванцев в церкви села Вязёмы) // Крылов А.К. Лики и лица смутного времени (исследования автографов-граффити времён самозванцев в Троицкой церкви села Большие Вязёмы). АРТИНДЕКС. СПб. 2012. с. 58,59.
- ³⁸ - Пресняков А.Е. Указ. соч. с. 116.
- ³⁹ - Соловьёв С.М. Общедоступные чтения о русской истории. Республика М. 1992. с. 273.
- ⁴⁰ - Харламович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань. Изд. Книжного магазина М.А. Голубева. 1914.
- ⁴¹ - Стоглав. СПб. 1863. с. 74,75;
Квливидзе Н.В. Роспись диаконника церкви Троицы в Вязёмах. // Троицкие чтения. 1997. Большие Вязёмы. 1998. с. 20,21;
«Другой полъ олтаря кутейник зовётся в него вносится о здравии **коливо** и **канон** и прочая». (Стоглав, 50);
Кутейник - особое место в церкви, где ставят кутью (Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 8. с. 147);
«Попы емлют кутью на панихиды и канун» (Стоглав, 35);
Кутья - кушанье из крупы с мёдом и изюмом, употребляемое на похоронах и поминках (Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 7. с. 239);
Канун - 1. Кушанье или питье (кутья с медом, пиво), сваренные к празднику или для поминовения усопшего и освящённые в церкви; 2. Молебен, церковная служба, панихида (Словарь русского языка XI-XVII вв. Т. 7. с. 58);
- ⁴² - Квливидзе Н.В. Указ. соч. с. 19.

⁴³ - **Бриллиантов И.И.** Указ. соч. с. 69.

⁴⁴ - **Квливидзе Н.В.** Указ. соч. с. 16-21;

Крылов А.К., Крылова О.Ю. Итоги работ по копированию и картографированию фресок XVI века церкви св. Троицы в селе Большие Вязёмы. // Троицкие чтения. 1997. Большие Вязёмы. 1998. с. 26-28.

⁴⁵ - **Бриллиантов И.И.** Указ. соч. с. 112.

⁴⁶ - **Там же** с. 207, 208.

⁴⁷ - **Там же** с. 243.

⁴⁸ - **Там же** с. 44, 76.

⁴⁹ - **Там же** с. 101.

⁵⁰ - **Там же** с. 60.

⁵¹ - **Там же** с. 143.

⁵² - **Там же** с. 169, 170.

⁵³ - **Там же** с. 174.

⁵⁴ - **Там же** с. 191.

⁵⁵ - **Там же** с. 213, 217, 218.

⁵⁶ - **Там же** с. 219.

⁵⁷ - **Там же** с. 230.

⁵⁸ - **Там же** с.231.

⁵⁹ - **Там же** с. 234, 235.

⁶⁰ - **Там же** с. 236, 237.

⁶¹ - **Паршукова И.Н.** Указ. соч., с. 119.

⁶² - **Там же** с. 119.

⁶³ - **Бриллиантов И.И.** Указ. соч., с. 68;

Холдин Ю. Сквозь пелену веков. 2000-летию Рождества Христова. 500-летию фресок Дионисия. Издательский фотографический центр ИФА. М. 2002. с. 332-335.

⁶⁴ - **Бриллиантов И.И.** Указ. соч., с. 69.

⁶⁵ - Ныне иконы разрознены или утрачены, или искажены реставрационными обработками.

⁶⁶ - **Бриллиантов И.И.** Указ. соч., с. 69, 70.

⁶⁷ - **Там же** с. 85.

⁶⁸ - **Вздорнов Г.И.** Указ соч. с. 280.

- ⁷⁰ - **Россия. День за днём.** Жития святых, события, судьбы... Издательское содружество во имя св. прав. Иоанна Кронштадтского. М. 2010. с. 163, 164.
- ⁷¹ - **Вздорнов Г.И.** Указ соч. с. 282.
- ⁷² - **Митрополит Иоанн (Снычев).** Русь соборная. Очерки христианской государственности. СПб. 1995. с. 184.